А34 2/39
автограф

А34 2/39

Глубокоуважаемому Ивану Михайловичу Тарабрину

О ВРЕМЕНИ И МѢСТѢ КРЕЩЕНІЯ РУССКОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

И. М. ТАРАБРИНЪ.

(ОПЫТЪ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКАГО РАЗБОРА).

В. САВВЫ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Л. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.
1890.

(Оттискъ изъ 3 т. Сборника Харьк. Ист.-Филол. Общества).

А34 2/39

О ВРЕМЕНИ И МѢСТѢ КРЕЩЕНІЯ

РУССКОЙ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

(ОПЫТЪ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКАГО РАЗБОРА).

3056/4

В. Саввы.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Л. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.
1890.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 8 Ноября 1890 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

Инв. № 44937

Интересуясь извѣстіями византійскаго императора Константина Багрянороднаго о Кіевской Руси, я избралъ темою для студенческаго сочиненія его описанія: пути Русскихъ изъ Россіи въ Константинополь, полюдья и пріемовъ великой княгини Ольги въ Константинополѣ во дворцѣ императорскомъ.

Первое изъ нихъ, въ которомъ Багрянородный сообщаетъ русскія и славянскія названія днѣпровскихъ портовъ, обратило на себя особенное вниманіе ученыхъ. И норманисты и антинорманисты, согласные въ томъ, что названія пороговъ дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, и что нѣтъ возможности провѣрить эти названія, нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся, дѣлали въ нихъ разныя поправки, полагая, что они очищаютъ ихъ отъ искаженій. Каждый изслѣдователь, держась того или другаго направленія, соглашается съ прежде высказанными объясненіями въ толкованіи русскихъ названій изъ извѣстнаго языка, но самыми филологическими объясненіями не удовлетворяется, дѣлаетъ попытки иныхъ объясненій, при чемъ даже предлагаются на выборъ по два объясненія для одного и того же названія.

Признавая себя не въ силахъ удовлетворительно рѣшить вопросъ: изъ какого языка происходятъ сообщенныя Багрянороднымъ русскія названія днѣпровскихъ пороговъ, ибо названія эти, какъ искаженныя, можно толковать изъ разныхъ языковъ (см. Лерберга „Изслѣдованія“, гдѣ приведены мнѣнія: кн. Щербатова, Болтина, Байера, Струбе, Тунманна; Карамзина, Погодина, г. Гедеонова, И. Е. Забѣлина, г. Бруна, Д. И. Иловайскаго, В. Миллера), и считая оконченнымъ вопросъ о значеніи словъ Τὰ πολύδια и Γόρα въ извѣстіи Багрянороднаго объ ежегодныхъ поѣздкахъ русскихъ князей въ земли Славянъ-данниковъ (см „Рус. Ист.“ Бестужева-Рюмина II. 109; и Ж. М. Н. П. 1873 г. мартъ стр. 113. Н. А. Лавровскаго „О гирѣ Константина Багрянороднаго“), я вновь теперь пересмотрѣлъ часть моего перваго опыта—извѣстіе Багрянороднаго о пребываніи великой княгини Ольги въ Константинополѣ.

Между учеными существуетъ разногласіе относительно происхожденія великой княгини Ольги, времени и мѣста ея крещенія. Хилковъ, Татищевъ, Елагинъ, кн. Щербатовъ, Эминъ, основываясь на такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, считали Ольгу славянкою, родственницею Гостомысла. Стриттеръ и Шлецеръ, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, оставили вопросъ

о родѣ вел. княгини Ольги не рѣшеннымъ. Карамзинъ указываетъ на извѣстіе о варяжскомъ происхожденіи Ольги въ особенномъ ея житіи и въ другихъ повѣйшихъ историческихъ книгахъ. Погодинъ полагаетъ, что Ольга была варяжскаго рода („Изслѣдованія“ т. III стр. 88—94). Проф. Голубинскій держится того-же мнѣнія („Исторія рус. церкви“ I, 1, 63). Недавно вопросъ о родѣ вел. княгини Ольги снова былъ поднятъ. Архимандритъ Леонидъ, найдя въ одномъ историческомъ сборникѣ второй половины XV в. отрывокъ изъ древняго лѣтописца съ извѣстіемъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, пришелъ къ заключенію, что это извѣстіе достовѣрно („Рус. Старина“ 1888 г. іюль). Противъ такого мнѣнія выступилъ проф. Малышевскій (Ольга, говоритъ онъ, была родомъ не изъ Болгаріи, а изъ Руси, не изъ болгарской Плискувы, а изъ русскаго Плескова; происходила она изъ знатнаго княжескаго или княжско-боярскаго рода того-же варяжскаго племени, къ которому принадлежали Рюрикъ, Олегъ и Игорь.) („Происхожденіе рус. вел. княгини Ольги св.“ Оттискъ изъ Кіевск. Стар. 1889 г.).

Полагая вновь поднятый вопросъ достаточно исчерпаннымъ въ изслѣдованіи проф. Малышевскаго, обратимся къ вопросу о мѣстѣ и времени крещенія Ольги. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ пересмотру проф. Голубинскимъ, пришедшимъ къ новымъ выводамъ („Исторія рус. церкви“ I, 1, 63—73). Въ книгѣ проф. Голубинскаго помѣщенъ переводъ извѣстія Константина Багрянороднаго о пріемахъ вел. княгини Ольги въ Константинополѣ во дворцѣ императорскомъ (см. также у Шлецера „Несторъ“ III, 408). Переводъ этотъ, сравненный съ греческимъ текстомъ извѣстія при помощи словаря Du—Cange (Glos. ad scriptores mediae et infimae Graecitats), почти дословно повторенъ въ предлагаемомъ изслѣдованіи, писанномъ non ad probandum sed ad docendum.

Δοχὴ τῆς Ἕλγας τῆς Ῥωσένης.

Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ θ, ἡμέρᾳ δ', ἐγένετο δοχὴ κατὰ πάντα ὁμοία τῆς προῤῥηθείσης δοχῆς ἐπὶ τῇ ἐφόδῳ Ἕλγας τῆς ἀρχοντίσσης Ῥωσίας, καὶ εἰσῆλθεν αὐτὴ ἡ ἀρχόντισσα μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῆς συγγενῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προκρειτοτέρων θεραπαινῶν, ἐκείνη μὲν προηγουμένη πασῶν τῶν ἄλλων γυναικῶν, ἐκεῖναι δὲ ἑνορδίνως ἑτέρα τὴν ἑτέραν ἀκολουθοῦσαι, καὶ ἔστη ἐν ᾧ τόπῳ εἴωθεν ὁ λογοθέτης τὰς ἐρωτήσεις ποιεῖσθαι. Ὅπιθεν δὲ αὐτῆς εἰσῆλθον οἱ των ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματευταί, καὶ ἔστησαν κάτωθεν εἰς τὰ βῆλα, καὶ τὰ ἑξῆς ἐτελέσθη κατὰ τὴν προῤῥηθεῖσαν δοχήν.

Καὶ ἐξελθοῦσα πάλιν δια τοῦ ἀναδενδραδίου καὶ τοῦ τρικλινίνου τῶν κανδιδάτων τοῦ τε τρικλίνου, ἐν ᾧ τὸ καμελαύκιον ἵσταται καὶ οἱ μάγιστροι γίνονται, διῆλθεν διὰ τοῦ ὀνόποδος καὶ τῆς χρυσῆς χειρός, ἤτοι τοῦ πόρτηκος τοῦ αὐγουστέως, καὶ ἐκαθέσθη ἐκεῖσε.

Τοῦ δὲ βασιλέως κατὰ τὴν εἰωθυῖαν τάξιν εἰσελθόντος ἐν τῷ παλατίῳ, γέγονεν ἑτέρα δοχὴ τρόπῳ τοιῷδε. Ἐν τῷ τρικλίνῳ τοῦ Ἰουστινιανοῦ ἔστη πούλπιτον ἀπὸ ὀξέων δινισίων βλαττίων ἐσκεπασμένον, καὶ ἐν αὐτῷ ἔστη ὁ μέγας θρόνος Θεοφίλου τοῦ βασιλέως, καὶ ἐκ πλαγίου σελλίον χρυσοῦν βασιλικόν. Τὰ δὲ δύο ἀργυρᾶ ὄργανα τῶν δύο μερῶν ἔστησαν κάτωθεν, ἔσωθεν τῶν δύο βήλων. Τὰ γὰρ αὐλοῦντα ἔξω τῶν βήλων ἔστησαν. Καὶ προσκληθεῖσα ἡ ἀρχόντισσα ἀπὸ τοῦ αὐγουστέως, τῆς τε ἀψίδος καὶ τοῦ ἱπποδρόμου, τῶν ἐνδοτέρων διαβατικῶν τοῦ

Пріемъ русской княгини Ольги.

9-го сентября въ среду былъ пріемъ во всемъ сходный съ выше изложеннымъ по случаю прибытія Ольги, княгини Русской". [1]) Вошла сама княгиня съ своими родственницами княгинями и съ старшими своими служанками: она—идя впереди всѣхъ прочихъ женщинъ, а тѣ—въ порядкѣ слѣдуя одна за другою; и стала она на томъ мѣстѣ, гдѣ логоѳетъ обыкновенно предлагаетъ вопросы. За нею вошли послы и купцы Русскихъ князей и стали ниже у зановѣсей, при чемъ все послѣдующее совершилось какъ въ выше изложенномъ пріемѣ.

Вышедши назадъ черезъ анаденадрадій, залу кандидатовъ и залу, въ которой находится царскій вѣнецъ и производятся магистры, она прошла черезъ оноподъ и золотую руку или портикъ августеона и сѣла тамъ.

Когда-же императоръ по обычному чину вошелъ въ парадное отдѣленіе дворца, то произошелъ другой пріемъ слѣдующимъ образомъ: въ залѣ Юстиніана стоялъ помостъ покрытый красными золотомъ вышитыми коврами, и на немъ былъ великій тронъ императора Ѳеофила, а съ боку золотое императорское кресло. Два серебряные органа двухъ партій находились ниже за двумя зановѣсями, органы-же на которыхъ играютъ, стояли внѣ зановѣсей. Княгиня, вызван-

αὐτοῦ αὐγουστέως διῆλθεν, καὶ ἐλθοῦσα ἐκαθέσθη εἰς τὰ σκύλα. Ἡ δὲ δέσποινα ἐκαθέσθη ἐν τῷ προῤῥηθέντι θρόνῳ, καὶ ἡ νύμφη αὐτῆς ἐν τῷ σελλίῳ, καὶ εἰσῆλθεν τὸ κουβούκλειον ἅπαν, καὶ διὰ τοῦ πραιποσίτου καὶ τῶν ὀστιαρίων εἰσήχθησαν βῆλά· βῆλον α′, αἱ ζωσταί· βῆλον β′, αἱ μαγίστρισσαι· βῆλον γ′, αἱ πατρίκιαι· βῆλον δ′, αἱ ὀφφικιαλέαι πρωτοσπαθαρέαι· βῆλον ε′, αἱ λοιπαὶ πρωτοσπαθαρέαι· βῆλον ς′, αἱ σπαθαροκανδιδάτισσαι· βῆλον ζ′, αἱ σπαθαρέαι καὶ στρατώρισσαι καὶ κανδιδάτισσαι. Εἶθ' οὕτως εἰσῆλθεν ἡ ἀρχόντισσα διὰ τοῦ πραιποσίτου καὶ τῶν δύο ὀστιαρίων, αὐτὴ μὲν προηγουμένη, ἐπακολουθοῦσαι δέ, καθὰ προείρηται, αἵτε συγγενεῖς αὐτῆς ἀρχόντισσαι καὶ αἱ προκρειτοτέραι τῶν θεραπαινῶν αὐτῆς. Καὶ γέγονεν παρὰ τοῦ πραιποσίτου ἐρώτησις πρὸς αὐτήν, ὡς ἐκ τῆς αὐγούστης, καὶ ἐξελθοῦσα ἐκαθέσθη εἰς τὰ σκύλα. Ἡ δὲ δέσποινα ἀναστᾶσα ἀπὸ τοῦ θρόνου διῆλθεν διὰ τοῦ λαυσιακοῦ καὶ τοῦ τριπέτωνος, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν καινούργιον, καὶ δι' αὐτοῦ εἰς τὸν αὐτῆς κοιτῶνα, καὶ εἶθ' οὕτως ἡ ἀρχόντισσα μετὰ τῶν συγγενῶν αὐτῆς καὶ θεραπαινῶν, εἰσῆλθεν διὰ τοῦ Ἰουστινιανοῦ καὶ τοῦ λαυσιακοῦ καὶ τοῦ τριπέτωνος εἰς τὸν καινούργιον, καὶ ἀνεπαύσατο. Εἶτα καθεσθεὶς ὁ βασιλεὺς μετὰ τῆς αὐγούστης καὶ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτοῦ τέκνων, προσεκλήθη ἡ ἀρχόντισσα ἀπὸ τοῦ καινουργίου τρικλίνου, καὶ κελεύσει τοῦ βασιλέως καθεσθεῖσα, ἐλάλησεν, ὅσα ἐβούλετο, πρὸς τὸν βασιλέα. Τῇ δὲ αὐτῇ ἡμέρᾳ γέγονεν κλητώριον ἐν τῷ αὐτῷ τρικλίνῳ τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Ἐκαθέσθη ἐν τῷ προῤῥηθέντι θρόνῳ ἡ δέσποινα καὶ ἡ νύμφη αὐτῆς, ἡ δὲ ἀρχόντισσα ἐκ πλαγίου ἔστη· ὑπὸ δὲ τοῦ τῆς τραπέζης κατὰ τὸν εἰωθότα τύπον εἰσελθουσῶν τῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προσκυνησάντων, ἡ ἀрная изъ августеона, прошла черезъ апсидъ, ипподромъ и внутренніе переходы того-же августеона и, придя въ залъ трофеевъ, сѣла тамъ. Императрица (Елена) сѣла на упомянутомъ тронѣ (Θеофила), а невѣстка ея (Анастасія Θеофано) на креслѣ, и вошелъ весь кувуклій (низшій разрядъ придворныхъ), препозитомъ-же и остіаріями введены были степени: степень 1-я—зосты, степень 2-я—магистриссы, степень 3-я—жены патрикіевъ, степень 4-я—оффиціальныя протоспатареи, степень 5-я—остальныя протоспатареи, степень 6-я—спатарокандидатиссы, степень 7-я—спатареи, страториссы и кандидатиссы. Потомъ была введена княгиня препозитомъ и двумя остіаріями: сама она шла впереди, а за нею слѣдовали, какъ было сказано, княгини ея родственницы и старшія служанки. Ей былъ сдѣланъ вопросъ препозитомъ отъ имени императрицы, и вышедши сѣла она въ залѣ трофеевъ. Императрица-же, вставши съ трона, прошла черезъ лавзаикъ и трипетонъ и вошла въ кенургій, и черезъ него въ свои внутренніе покои, а княгиня съ родственницами своими и служанками вошла черезъ залу Юстиніана, лавзаикъ и трипетонъ въ кенургій, и отдохнула тамъ. Затѣмъ сѣлъ императоръ съ императрицей и порфирородными своими дѣтьми, княгиня была приглашена изъ залы кенургія, сѣла по приглашенію императора и говорила съ нимъ о чемъ желала. Въ тотъ же день былъ парадный столъ въ той-же самой залѣ Юстиніана. Императрица и ея не-

χόντισσα τὴν κεφαλὴν μικρὸν ὑποκλίνασα, ἐν ᾧ τόπῳ ἵστατο, ἐκαθέσθη εἰς τὸ ἀποκοπτὸν μετὰ των ζωστῶν κατὰ τὸν τύπον.

Ἰστέον, ὅτι οἱ ἀποστολῖται ψάλται καὶ οἱ ἁγιοσοφῖται παρῆσαν ἐν τῷ αὐτῷ κλητωρίῳ ἄδοντες τὰ βασιλίκια. Ἔπαιξαν δὲ καὶ τὰ θυμελικὰ πάντα παίγνια. Ἐν δὲ τῷ χρυσοτρικλίνῳ γέγονεν ἕτερον κλητώριον, καὶ ἔφαγον πάντες οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευταί, καὶ ἔλαβον ὁ μὲν ἀνεψιὸς αὐτῆς μιλ. λ′, οἱ η′ ἴδιοι αὐτῆς ἀνὰ μιλ. κ′, οἱ κ′ ἀποκρισιάριοι ἀνὰ μιλ. ιβ′, οἱ μγ′ πραγματευταὶ ἀνὰ μιλ. ιβ′, ὁ παπᾶς Γρηγόριος μιλ. η′, οἱ δύο ἑρμηνευταὶ ἀνὰ μιλ. ιβ′, οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου ἀνὰ μιλ. ε′, οἱ ς′ ἄνθρωποι τῶν ἀποκρισιαρίων ἀνὰ μιλ. γ′, ὁ ἑρμηνεὺς τῆς ἀρχοντίσσης μιλ. ιε′.

Μετὰ δὲ τὸ ἀναστῆναι τὸν βασιλέα ἀπὸ τοῦ κλητωρίου ἐγένετο δούλκιον ἐν τῷ ἀριστητηρίῳ, καὶ ἔστη ἡ χρυσῆ μικρὰ τράπεζα ἡ ἐν τῷ πενταπυργίῳ ἱσταμένη, καὶ ἐτέθη ἐν αὐτῇ δούλκιον διὰ χειμευτῶν καὶ διαλίθων σκουτελλίων, καὶ ἐκαθεσθη ὁ βασιλεὺς καὶ Ῥωμανὸς ὁ Πορφυρογέννητος βασιλεὺς καὶ τὰ πορφυρογέννητα τούτων τέκνα καὶ ἡ ἀρχόντισσα, καὶ ἐδόθη τῇ ἀρχοντίσσῃ ἐν χρυσῷ διαλίθῳ σκουτελλίῳ μιλ. φ′, καὶ ταῖς ἓξ ἰδίαις αὐτῆς ἀνὰ μιλ. κ′, καὶ ταῖς ιη′ θεραπαίναις αὐτῆς ἀνα μιλ. η′.

Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ιη′, ἡμέρᾳ κυριακῇ, ἐγένετο κλητώριον ἐν τῷ χρυσοτρικλίνῳ, καὶ ἐκαθέσθη ὁ βασιλεὺς μετα τῶν Ῥῶς. Καὶ πάλιν γέγονεν ἕτερον κλητώριον ἐν τῷ πεντακουβουκλείῳ τοῦ ἁγίου Παύλου, καὶ ἐκαθέσθη ἡ δέσποινα μετα τῶν πορφυρογεννήτων αὐτῆς τέκνων καὶ τῆς νύμφης καὶ τῆς ἀρχοντίσσης, καὶ ἐδόθη τῇ μὲν ἀρχοντίσσῃ вѣстка сѣли на упомянутомъ тронѣ, а княгиня стала съ боку; когда-же церемоніймейстеромъ стола были введены по обычному чину княгини (родственницы Ольги) и поклонились, то княгиня, наклонивъ немного голову, гдѣ стояла, на томъ мѣстѣ сѣла за не большой столъ съ зостами по чину.

Должно знать, что пѣвчіе церкви апостоловъ и св. Софіи присутствовали при этомъ обѣдѣ воспѣвая императорскіе гимны; были также играны всякія театральныя игры. Въ хризотриклинѣ-же былъ другой столъ, гдѣ обѣдали послы князей русскихъ и люди и родственники княгини и купцы, и получили они: племянникъ княгини 30 миліарисіевъ, 8 людей ея по 20 мил., 20 пословъ по 12 мил., 43 купца по 12 мил., священникъ Григорій 8 мил., 2 переводчика по 12 мил., люди Святослава по 5 мил., 6 людей пословъ по 3 мил., переводчикъ княгини 15 мил.

Послѣ того какъ императоръ всталъ изъ-за стола, былъ данъ десертъ въ залѣ для завтраковъ, въ который былъ поставленъ не большой золотой столъ, который стоитъ въ пятибашеньѣ, и на немъ былъ разложенъ десертъ на блюдахъ украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями, и сѣлъ императоръ и Романъ Порфирогеннитъ и порфирородныя дѣти ихъ и невѣстка и княгиня; княгинѣ было поднесено на золотомъ украшенномъ драгоцѣнными камнями блюдѣ 500 мил., 6 ближнимъ ея женщинамъ по 20 мил., 18 служанкамъ по 8 мил.

μιλ. σ′, τῷ δὲ ἀνεψιῷ αὐτῆς μιλ. κ′, τῷ παπᾷ Γρηγορίῳ μιλ. η′, ταῖς ις′ ἰδίαις αὐτῆς ἀνα μιλ· ιβ′, ταῖς ιη′ δούλαις αὐτῆς ἀνά μιλ. ς′, τοῖς κβ′ ἀποκρισιαρίοις ἀνὰ μιλ. ιβ′, τοῖς μδ′ πραγματευταῖς ἀνὰ μιλ. ς′, τοῖς ϱύο ἑρμηνευταῖς ἀνὰ μιλ. ιβ′. (De cerim. aul. Byz. Const. Porphyr. p. 594 ed. B.).

18-го октября въ воскресенье былъ порадный обѣдъ въ хризотриклинѣ, и сидѣлъ императоръ съ Русскими. И опять былъ другой порадный обѣдъ въ пентакувуклiѣ св Павла, и присутствовала императрица съ порфирородными своими дѣтьми, невѣсткой и княгиней, и дано было княгинѣ 200 мил , племяннику ея 20 мил., священнику Григорію 8 мил., 18 ближнимъ ея женщинамъ по 6 мил., 22 посламъ по 12 мил., 44 купцамъ по 6 мил., 2 переводчикамъ по 12 миліарисіевъ.

Императоръ Константинъ Багрянородный сообщаетъ въ приведенномъ извѣстіи, что великая княгиня Ольга была принимаема: 9-го сентября въ среду и 18-го октября въ воскресенье. Указанныя числа по пасхальному кругу были въ среду и въ воскресенье въ 946 и 957 г.г. Но изъ русской лѣтописи видно, что Ольга не могла быть въ Константинополѣ въ 946 г., ибо лѣтописецъ передаетъ, что въ этомъ году она была занята походомъ въ землю Древлянъ, гдѣ осаждала городъ ихъ Искоростень „лѣто“, затѣмъ занялась устройствомъ земли Древлянъ и, возвратившись въ Кіевъ, оставалась въ немъ „лѣто едино“ (Лавр. сп, изд. 1872 г. стр. 56), а въ 947 г. отправилась въ Новгородъ.

Извѣстіе Багрянороднаго подтверждаетъ, что пріемы Ольги происходили не въ 946 г., а въ 957 г., ибо онъ говоритъ, что при угощеніи Ольги присутствовали дѣти его и сына его Романа, но Романъ, родившійся въ 939 г., [2]) не могъ имѣть дѣтей въ 946 г., кромѣ того, врядъ-ли сама Ольга могла предпринять путешествіе въ Царьградъ на другой годъ послѣ трагической смерти своего мужа, когда ей предстояло много дѣла по управленію государствомъ вслѣдствіе малолѣтства сына.

Всѣ эти соображенія съ избыткомъ доказываютъ, что пріемы Ольги въ Царьградѣ происходили въ 957 г.

Такимъ образомъ Багрянородный передаетъ, что Ольга была въ Царьградѣ въ 957 г., и что съ нею былъ священникъ Григорій, но о крещеніи ея ничего не говоритъ.

По русской лѣтописи Ольга была въ Константинополѣ въ 955 г., приняла тамъ крещеніе отъ патріарха и воспріемникомъ ея былъ греческій императоръ. Въ лаврентьевскомъ спискѣ воспріемникомъ Ольги названъ Цимисхій, который былъ императоромъ византійскимъ отъ 969 г. — года кончины Ольги — по 976 г. Въ ипатскомъ спискѣ правильно названъ Константинъ, сынъ Льва.

Во многихъ спискахъ лѣтописи крестившій Ольгу патріархъ названъ Фотіемъ. Если Ольга была крещена въ Константинополѣ патріархомъ въ 955 г., то не Фотіемъ, въ то время уже умершимъ, а Θеофилактомъ, который въ 955 г. былъ на патріаршемъ престолѣ и умеръ въ 956 г., бывъ патріархомъ 23 г. [3]) Послѣ него вступилъ на патріаршій престолъ Поліевктъ. Лѣтопись еще передаетъ, будто византійскій императоръ прельстился красотою Ольги и хотѣлъ ее сдѣлать своею супругою, но въ это время была жива супруга Константина Елена, и Ольгѣ было за 60 лѣтъ (Карамзинъ I прим. 382 изд. Эйнерлинга).

Изъ сравненія лѣтописнаго сказанія о крещеніи Ольги съ извѣстіемъ Багрянороднаго о пріемахъ ея въ Царьградѣ видимъ, что лѣтопись не согласна съ нимъ относительно года пребыванія Ольги въ Царьградѣ, который (годъ) по лѣтописи связанъ съ ея крещеніемъ, а о послѣднемъ Багрянородный ничего не говоритъ. Молчаніе-же его о столь важномъ событіи, какимъ было-бы крещеніе въ Константинополѣ княгини Русскихъ, которыхъ Греки старались обратить въ Христіанство, заставляетъ насъ усомниться въ лѣтописномъ извѣстіи о мѣстѣ крещенія Ольги.

Изъ ближайшихъ ко времени Багрянороднаго византійскихъ историковъ разсмотримъ извѣстія Кедрина (XI в.) и Зонары (XII в.).

Кедринъ сообщаетъ, что „Ольга, супруга русскаго князя, который совершилъ морской набѣгъ на Византійцевъ, по смерти мужа своего была въ Константинополѣ; крещенная, она выказала стремленіе къ истинному благочестію и, достойно этого стремленія почтенная, возвратилась домой. “ [4]) Тоже самое передаетъ и Зонара, только у него вмѣсто: была въ Константинополѣ (παρεγένετο ἐν Κωνσταντινουπόλει) написано: явилась къ императору (προσῆλθε τῷ βασιλεῖ. Zon. lib. XVI p. 194 ed. 1687 an.), но смыслъ получается одинъ и тотъ-же.

Ни Кедринъ ни Зонара не говорятъ, что воспріемникомъ Ольги былъ императоръ и что ее крестилъ патріархъ, а также не указываютъ года ея пребыванія въ Царьградѣ, но послѣ извѣстія о ней сообщаютъ о второмъ бракѣ Романа сына Багрянороднаго: „когда умерла дѣвица—супруга Романа, дочь короля франціи Гуго, какъ было сказано будучи дѣвственною, то императоръ-отецъ женилъ своего сына на другой, по имени Анастасія, не знатнаго происхожденія..... названной имъ Θеофано. [5])“ Какъ видно, извѣстія о крещеніи Ольги въ Константинополѣ и о второмъ бракѣ Романа помѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ, что могло произойти оттого, что и Кедринъ и Зонора или не считали важнымъ годъ пребыванія Ольги въ Константинополѣ или не знали его.

Константинъ Багрянородный въ De cerim. сообщаетъ, что при пріемахъ Ольги въ Царьградѣ были супруги его и Романа съ дѣтьми, а изъ дѣтей Романа могъ быть Василій, родившійся въ 956 г. отъ Анастасіи Θеофано. [6])

Отъ первой своей супруги Романъ не имѣлъ дѣтей, Кедринъ называетъ ее χόρη и παρθένος, какъ-бы подчеркивая, что она была дѣвственною въ бракѣ, къ тому-же и самъ Романъ былъ въ то время очень молодъ. Такимъ образомъ бракъ Романа съ Θеофано, бывшій до 957 г., помѣщенъ Кедринымъ и Зонорою такъ, какъ будто онъ былъ послѣ 957—года посѣщенія Царьграда Ольгою. Перепутавъ время событія, они могли невѣрно передать и самое событіе. Для Грековъ было лестно, что владыки другихъ народовъ пріѣзжали къ нимъ въ Царьградъ, гдѣ такъ поражались великолѣпіемъ богослуженія, святынями, что убѣждаясь въ истинѣ христіанства принимали у нихъ крещеніе; далѣе, были случаи крещенія варварскихъ князей въ Константинополѣ, самъ Кедринъ разсказываетъ о крещеніи двухъ венгерскихъ князей въ Константинополѣ и вслѣдъ затѣмъ передаетъ о крещеніи Ольги, такъ что для него пріѣздъ ея въ Царьградъ могъ быть не съ иною какою цѣлью какъ для крещенія. И у Кедрина и у Зонары извѣстіе о крещеніи Ольги очень кратко, тогда какъ они пространно повѣствуютъ о Гиласѣ и Вулосудѣ — двухъ венгерскихъ князьяхъ, и ясно и опредѣленно говорятъ, что оба они были крещены въ Константинополѣ. [7])

Продолжатель аббата Регинона, современникъ описываемаго событія, подъ 959 г. передаетъ, что: „послы Елены (Ольги), королевы Руговъ (Руссовъ), которая при константинопольскомъ императорѣ Романѣ была крещена въ Константинополѣ, ложно, какъ послѣ оказалось, прибывъ къ императору Оттону, просили епископа и священниковъ для этого народа;“ [8]) какъ видно изъ самаго извѣстія, Ольга и не думала посылать къ императору Оттону за епископомъ и священниками, которые, какъ передаетъ тотъ-же лѣтописецъ, должны были возвратиться назадъ отъ Русскихъ, ничего не успѣвъ сдѣлать, такъ какъ увидѣли, что труды ихъ напрасны.

Въ сообщеніи продолжателя аббата Регинона можно усомниться уже потому, что если одна неточность допущена въ опущеніи имени императора Константина и въ названіи сына его Романа, который былъ только соправителемъ отца, и потому событія, бывшія при его отцѣ, не могли отмѣчаться его именемъ, то могло быть невѣрно передано и самое событіе. Быть можетъ, что эти самые ложные послы и сообщили Продолжателю, что Ольга была крещена въ Конатантинополѣ, сами не зная точно, гдѣ она крестилась.

Ольга могла креститься въ Кіевѣ безъ огласки, такъ что о ея крещеніи знали только близкіе къ ней и христіане кіевскіе, не потому что она боялась народа, а потому что сознавала, что примѣръ ея не убѣдитъ язычниковъ перемѣнить вѣру, и что пока великій князь не крестится, до тѣхъ поръ христіанство не будетъ имѣть силы въ Кіевѣ. Незнавшіе, что Ольга крестилась до пріѣзда въ Константинополь, могли подумать, что она крес-

тилась въ Константинополѣ, потому что какъ бы оффиціально обнаружилось ея христіанство въ этомъ городѣ.

У Длугоша есть извѣстіе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ. [9]) Но онъ, заимствовавшій русскія извѣстія изъ русской лѣтописи, и это извѣстіе взялъ оттуда-же.

Большинство изъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о крещеніи Ольги, склонялось къ тому мнѣнію, что Ольга крестилась въ Царьградѣ въ 957 г., слѣдуя такимъ образомъ показанію лѣтописи относительно мѣста событія, относительно-же времени принимая годъ, указанный Багрянороднымъ не какъ годъ крещенія Ольги, но какъ время ея пребыванія въ Константинополѣ.

Пр. Евгеній Булгарисъ полагаетъ время крещенія Ольги въ Констан-стантинополѣ въ 956 г., въ подтвержденіе чего ссылается на Кедрина и Зонару, у которыхъ извѣстіе о крещеніи Ольги помѣщено предъ разсказомъ о кончинѣ патріарха Θеофилакта, послѣдовавшей въ 956 г., но такого подтвержденія въ порядкѣ извѣстій Кедрина и Зонара находить нельзя, ибо и извѣстіе о второмъ бракѣ Романа, сына Багрянороднаго, помѣщено у нихъ послѣ разсказа о пребываніи и крещеніи Ольги въ Константинополѣ предъ извѣстіемъ о смерти патріарха Θеофилакта, между тѣмъ какъ сынъ отъ этого втораго брака Романа присутствовалъ при пріемѣ Ольги („Истор. розысканіе о времени крещенія Рос. вел. кн. Ольги". Евгенія Булгариса 1792 г. Спб.). Далѣе, Евгеній Булгарисъ говоритъ, что императоръ Константинъ потому не упоминаетъ въ De cerim aul. Byz. о крещеніи Ольги, что описаніе этого крещенія не соотвѣтствовало бы цѣли сочиненія, о которой онъ трактуетъ въ предисловіи къ этому своему труду, поэтому молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Царьградѣ при описаніи ея пріемовъ не есть доказательство того, что Ольга не крестилась въ Царьградѣ. „Хотя императоръ Константинъ, говоритъ Булгарисъ, описываетъ нѣкоторыя торжества, съ коими отправлялись купно и священные обряды, какъ напримѣръ, что̀ должно было, соотвѣтственно достоинству особы императорской, наблюдать когда присутствовалъ онъ въ крестныхъ ходахъ, или при отправленіи службы божіей въ церквѣ, но обрядовъ прямо церковныхъ, каковъ былъ исполненъ при крещеніи княгини Ольги, не имѣлъ онъ нужды нигдѣ описывать въ своихъ книгахъ" (стр. 59). Конечно, обрядовъ церковныхъ Константину не нужно было описывать, но разъ только онъ былъ воспріемникомъ княгини Ольги, то при крещеніи ея были-бы соблюдаемы извѣстные обряды не церковные, а придворные, какъ напр. при приходѣ императора въ церковь для воспріемничества и при удаленіи его изъ нея; съ императоромъ могъ быть его дворъ, присутствіе котораго не обошлось-бы безъ извѣстныхъ церемоній, которыя Багрянородный и описалъ бы, не удаляясь нисколько отъ цѣли своего сочиненія, если-бы даже онъ строго придерживался ея, чего на самомъ дѣлѣ

не было. Но если Константинъ былъ воспріемникомъ Ольги не какъ императоръ, по предположенію Булгариса (стр. 61), которое ничѣмъ не подтверждается, то онъ могъ-бы упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о крещеніи Ольги при описаніи ея пріемовъ, что не составило-бы уклоненія отъ цѣли его труда; вѣдь въ De administrando imperio при описаніи пути Русскихъ изъ Россіи въ Константинополь императоръ Константинъ приводитъ славянскія и русскія названія пороговъ Днѣпра, а какое отношеніе имѣютъ названія эти къ наставленію объ управленіи византійской имперіей, писанному къ сыну его? Такъ точно въ описаніи обрядовъ византійскаго двора можно было-бы упомянуть о крещеніи Ольги въ Царьградѣ при описаніи ея пріемовъ, если-бы даже Багрянородный и самъ счелъ за уклоненіе отъ цѣли своего сочиненія описаніе ея крещенія, тѣмъ болѣе, что сказавъ о крещеніи Ольги въ Константинополѣ императоръ этимъ показалъ-бы, какое вліяніе имѣли сношенія Грековъ съ языческими народами въ дѣлѣ распространенія христіанства, какъ язычники, сознавая ничтожество своихъ боговъ, являлись смиренно въ Царьградъ, дабы отъ Грековъ просвѣтиться свѣтомъ истины. Кромѣ того, самъ Багрянородный вовсе не описываетъ въ De cerimoniis только одни обряды двора. Въ этомъ своемъ трактатѣ онъ сообщаетъ цѣлый рядъ извѣстій о государственныхъ переворотахъ, которыми достигли престола византійскаго Левъ I, Анастасій, Юстинъ I, Никифоръ Фока, что по справедливому замѣчанію Рамбо не должно-бы имѣть мѣста въ руководствѣ церемоніала (L'empire Grec p. 128. Rambaud). Въ этомъ же сочиненіи помѣщенъ краткій указатель всѣхъ византійскихъ императоровъ, царствовавшихъ въ Византіи послѣ Константина Великаго, говорится объ издержкахъ, сдѣланныхъ на двѣ критскія экспедиціи при императорѣ Львѣ VI (903 г.) и Константинѣ VII (959 г.), при чемъ указаны не только суммы денегъ, выданныя каждому офицеру и солдату, издержки въ матеріалѣ, но высчитаны топоры, заступы, корзины, гвозди (ibid. p. 129). Изъ этихъ примѣровъ, приведенныхъ Рамбо видно, что не объ однихъ только обрядахъ трактуетъ Багрянородный въ De cerimoniis.

Далѣе, пр. Евгеній указываетъ, что Константинъ не упоминаетъ о Туркахъ, приходившихъ въ Царьградъ для принятія св. крещенія, изъ чего не слѣдуетъ, что Турки эти не приходили въ Царьградъ и не были крещены, поэтому нельзя, говоритъ онъ, изъ неупоминанія Багрянороднаго о крещеніи св. Ольги въ Царьградѣ заключить, что она не была крещена въ этомъ городѣ.

У Кедрина и Зонары есть извѣстіе, что венгерскіе князья Вулосудъ и Гиласъ крестились въ Царьградѣ, были почтены императорамъ и награждены дарами. [10]) О крещеніи ихъ Кедринъ и Зонара разсказываютъ послѣ извѣстія о коронованіи Константиномъ сына его Романа предъ извѣстіемъ о

крещеніи Ольги. Быть можетъ, что Константинъ нигдѣ не говоритъ о крещеніи этихъ князей потому, что они были одними изъ начальниковъ племенъ, принятіе христіанства однимъ или нѣсколькими изъ нихъ не могло имѣть такихъ послѣдствій по разсчетамъ византійскаго правительства, какъ принятіе христіанства княгиней русской, которая въ малолѣтство своего сына была правительницей государства русскаго; кромѣ того, о пріемѣ этихъ князей Константинъ ничего не говоритъ въ De cerimoniis, и нигдѣ о нихъ не упоминаетъ, тогда какъ пріемъ русской великой княгини онъ подробно описалъ.

Одинъ изъ этихъ князей—Гиласъ остался вѣренъ христіанству, и епископъ, прибывшій съ нимъ, крестилъ многихъ изъ его племени; что касается Вулосуда, то онъ, отвергнувъ свой союзъ съ Богомъ, часто нападалъ на византійскую имперію. Относительно великой княгини Ольги Греки могли надѣяться, что крестившись она станетъ склонять и сына своего къ христіанству, что было по словамъ русской лѣтописи. Успѣла-бы она въ этомъ или нѣтъ, это вопросъ иной, но за крещеніемъ русскаго князя могло послѣдовать крещеніе цѣлаго народа, какъ то было при Владимірѣ, а не части племени. Несомнѣнно, что Багрянородный написавшій трактатъ De administrando imperio, хорошо сознавалъ разницу между русской княгиней и венгерскими князьями; если онъ могъ обойти молчаніемъ ихъ крещеніе потому что не представлялось повода къ упоминанію о немъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ могъ умолчать о крещеніи Ольги, когда представлялся поводъ сказать о немъ.

Пр. Евгеній говоритъ: „изъ самой той Константиновой книги (de cerim. a. B.) можно довольно усмотрѣть о крещеніи Ольги; ибо упоминается тамъ неоднократно о священникѣ именемъ Григоріи, который находился при княгинѣ яко учитель въ законѣ или духовникъ“ (ib. стр. 65 и 67). Дѣйствительно, изъ упоминанія священника Григорія въ числѣ лицъ свиты Ольги можно заключить, что во время пріемовъ ея Багрянороднымъ она была христіанкой, но вопросъ въ томъ, гдѣ она приняла христіанство. Такъ какъ священникъ Григорій упоминается въ числѣ свиты Ольги, и наравнѣ съ прочими лицами свиты получилъ оба раза подарки, то можно предположить, что Григорій прибылъ съ Ольгою въ Царьградъ изъ Кіева, что онъ состоялъ при ней уже крещенной, и состоялъ при томъ столько времени, что считался въ числѣ свиты ея. Пр. Евгеній объясняетъ присутствіе священника Григорія при Ольгѣ тѣмъ, что она или была крещена уже въ Царьградѣ предъ этимъ пріемомъ или приготовлялась къ крещенію (ib. стр. 73). Но присутствіе Григорія въ свитѣ Ольги, получившаго притомъ подарокъ на ряду съ другими изъ свиты, указываетъ, что онъ сталъ какъ-бы чужимъ для Грековъ, если только онъ былъ родомъ Грекъ, гостемъ, котораго какъ и другихъ гостей надо было почтить подаркомъ. Онъ вѣроятно пріѣхалъ съ Ольгою изъ

Кіева, и быть можетъ своими разсказами о святыняхъ Константинополя побудилъ её предпринять это путешествіе; будучи-же ея духовникомъ, онъ отправился съ нею какъ близкій къ ней человѣкъ въ качествѣ путеводителя по Царьграду. Если Григорій былъ приставленъ въ Константинополѣ къ Ольгѣ въ качествѣ ея наставника въ христіанствѣ, то къ чему было ему присутствовать при пріемахъ ея въ числѣ ея свиты и получать подарки подобно всѣмъ прочимъ лицамъ ея свиты? За наставленіе Ольги въ христіанствѣ онъ получилъ-бы отъ императора награду отдѣльно отъ свиты Ольги, и притомъ не 8 миліарисіевъ, не говоря уже о томъ, то такая награда была преждевременною, если Ольга въ то время не была еще крещена. Незначительность-же денежнаго подарка, сдѣланнаго Григорію, наводитъ на мысль, что врядъ-ли онъ былъ грекъ.

Карамзинъ, придерживаясь лѣтописнаго разсказа, полагаетъ крещеніе Ольги въ 955 г. въ Царьградѣ. „Ольга, говоритъ онъ, достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія“. Съ христіанствомъ Ольга познакомилась въ Кіевѣ, по мнѣнію Карамзина, гдѣ „имя Бога Вседержителя уже славилось“, пожелала принять св. крещеніе, для чего и отправилось въ Константинополь, „чтобы почерпнуть христіанство въ самомъ его источникѣ“; здѣсь патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Сказаніе лѣтописи, будто Константинъ, плѣненный красотою и разумомъ Ольги предложилъ ей свою руку и корону, Карамзинъ считаетъ баснословіемъ (Ист. Госуд. Рос. т. I стр. 101 sqq· изд. Эйнерлинга). Познакомившись съ христіанствомъ въ Кіевѣ, Ольга могла здѣсь и креститься, но говоритъ Карамзинъ, она хотѣла почерпнуть христіанство въ самомъ источникѣ, поэтому и отправилась въ Царьградъ.

Если Ольга почувствовала суетность земнаго величія, то она крестилась-бы какъ всякій простой смертный, а не воспользовалось-бы тѣмъ, что она мать русскаго великаго князя, и поэтому можетъ надѣяться на принятіе крещенія отъ патріарха и на воспріемничество императора.

Опровергая извѣстіе Татищева, ссылавшагося на лѣтопись Симона Епископа (который никогда не былъ лѣтописцемъ), будто „Ольга хотѣла, но не могла креститься въ Кіевѣ, боясь народа, и для того, по данному ей отъ христіанъ совѣту, отправилась въ Константинополь“ (Исторія Рос. Татищева II стр. 41 и прим. 130), Карамзинъ указываетъ, что народъ терпѣлъ христіанъ въ Кіевѣ, и что Ольга могла тайно креститься (т. I, прим. 378). Кромѣ того, или крещеніе Ольги въ Царьградѣ могло стать извѣстнымъ на Руси, или по пріѣздѣ ея въ Кіевъ могло обнаружиться что она христіанка, слѣдовательно и опасность отъ крещенія въ Царьградѣ не уменьшалась, а между тѣмъ, пріѣхавъ въ Кіевъ Ольга не скрывала что она христіанка, но

уговаривала сына креститься, который мотивировалъ свой отказъ вовсе не страхомъ предъ народомъ. [11]) Крестилъ Ольгу не патріархъ Фотій, говоритъ Карамзинъ, ибо Фотія около 60 лѣтъ не было въ живыхъ когда крестилась Ольга, но Ѳеофилактъ или Поліевктъ.

Если Карамзинъ полагаетъ крещеніе Ольги въ 955 г., то её крестилъ Ѳеофилактъ, умершій въ 956 г.

Карамзинъ слѣдуетъ хронологіи лѣтописца указывая на то, что по извѣстіямъ Багрянороднаго крещеніе ея должно быть отнесено къ 957 г. Молчаніе-же его относительно крещенія Ольги Карамзинъ объясняетъ тѣмъ, что въ книгѣ, сочиненной единственно для описанія придворныхъ обрядовъ, не нужно было говорить о крещеніи. Въ доказательство крещенія Ольги въ Царьградѣ Карамзинъ ссылается на Кедрина и продолжателя аббата Регинона (ibid. I т. прим. 381). Разбирая разсказъ лѣтописца русскаго о предложеніи императоромъ своей руки и короны Ольгѣ, Карамзинъ опровергаетъ его тѣмъ, что супруга Багрянороднаго въ то время была жива, и что въ 955 г. Ольгѣ было уже 64 года.

Такимъ образомъ Карамзинъ полагаетъ крещеніе Ольги въ Царьградѣ въ 955 г. на основаніи лѣтописнаго извѣстія, молчаніе-же Багрянороднаго о Крещеніи Ольги объясняетъ какъ и Евгеній Булгарисъ тѣмъ, что De cerim. aulae Byz. было посвящено только описанію придворныхъ обрядовъ.

Соловьевъ говоритъ, что вѣрнѣе полагать крещенія Ольги въ 957 г., а не въ 955 г., и мѣстомъ ея крещенія считаетъ Константинополь. О побужденіяхъ, заставившихъ Ольгу принять христіанство, мы ничего не находимъ, продолжаетъ онъ, ни въ спискахъ нашей лѣтописи ни въ иностранныхъ извѣстіяхъ; могло быть, что Ольга отправилась въ Царьградъ язычницею безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ греческой вѣры, и возвратилась домой христіанкой. Но, замѣчаетъ онъ, трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу. Соловьевъ, какъ и Карамзинъ, не допускаетъ извѣстія Татищева, что Ольга не хотѣла креститься въ Кіевѣ боясь язычниковъ. (Исторія Россіи I. 125. 1851 г.).

Итакъ, Соловьевъ въ годѣ крещенія Ольги отдаетъ преимущество извѣстію Багрянороднаго о пребываніи ея въ Царьградѣ, а въ мѣстѣ крещенія слѣдуетъ показанію русской лѣтописи. Молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Константинополѣ Соловьевъ ничѣмъ не объясняетъ; что касается извѣстія западныхъ лѣтописцевъ о приходѣ пословъ отъ княгини Ольги, крестившейся въ Константинополѣ, къ императору Оттону I, то Соловьевъ полагаетъ, что посольство это было ложное, что послы принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ крестились дабы получать дары, и что ради хорошаго пріема и полученія даровъ отъ

императора Оттона I Варяги эти объявили себя послами русской княгини, прося епископа и священниковъ для Русскихъ.

Пр. Макарій разбираетъ четыре разногласія относительно крещенія Ольги: во 1-хъ относительно побужденія посѣтить Царьградъ, во 2-хъ относительно мѣста ея крещенія, въ 3-хъ относительно времени этого событія и въ 4-хъ — посылала-ли Ольга послѣ своего крещенія къ нѣмецкому императору Оттону I пословъ съ просьбою прислать епископа и священниковъ („Исторія христ. въ Рос до равноап. кн. Владиміра" стр. 304).

Относительно перваго вопроса пр. Макарій говоритъ, что онъ не согласенъ съ тѣмъ мнѣніемъ, будто недостатокъ христіанскихъ пастырей могъ побудить Ольгу поѣхать въ Царьградъ для крещенія. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что Ольга при себѣ имѣла духовное лицо — Григорія, который ей сопутствовалъ въ Грецію изъ Кіева, и который самъ могъ бы крестить ее въ Кіевѣ; далѣе, неосновательно, по его мнѣнію, будто Ольга не могла креститься въ Кіевѣ боясь народа, и для того отправилась въ Царьградъ. Неосновательно также полагаютъ, продолжаетъ Макарій, что Ольга поѣхала въ Константинополь безъ всякой мысли о перемѣнѣ вѣры и тамъ уже плѣнилась христіанскимъ богослуженіемъ и рѣшилась креститься, или, неопредѣляя съ точностью, когда и отъ чего родилась въ ней это благочестивая рѣшимость, утверждаютъ, будто Ольга предприняла путешествіе въ Константинополь для одного только внѣшняго просвѣщенія и образованія, какъ напр. Петръ Великій путешествовалъ по Европѣ.

Шлецеръ, котораго пр. Макарій постоянно имѣетъ въ виду, изъ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Ольги принялъ за достовѣрное: что во 1-хъ Ольга была въ Царьградѣ, во 2-хъ — въ 955 г., въ 3-хъ принята была при императорскомъ дворѣ торжественно и въ 4-хъ — была одарена, все-же остальное въ лѣтописномъ разсказѣ онъ счелъ за выдумку („Несторъ" III, 363). Считая бреднями политическіе виды, побудившіе Ольгу къ путешествію въ Царьградъ, Шлецеръ признаетъ возможнымъ, что Ольга и въ Кіевѣ могла принять намѣреніе креститься. [12])

Относительно причины, побудившей Ольгу ѣхать въ Царьградъ, пр. Макарій полагаетъ, что Карамзинъ вполнѣ вѣрно опредѣлилъ ее. Пр. Макарій не согласенъ съ Шлецеромъ относительно національности священника Григорія. Шлецеръ предполагалъ въ немъ Грека: „судя по имени, сей попъ былъ кажется Грекъ" („Несторъ" III, 410). По мнѣнію пр Макарія справедливѣе предположить въ Григоріѣ Славянина, если онъ дѣйствительно былъ наставникомъ Ольги, потому что Ольга не знала греческаго языка. Пр. Макарій вполнѣ основательно возражаетъ Шлецеру, что по имени судить нельзя о національности Григорія; но если Ольга не знала греческаго языка, то изъ этого еще не вытекаетъ, что Григорій былъ непремѣнно Славянинъ,

ибо будучи Грекомъ онъ могъ узнать русскій языкъ въ Кіевѣ, откуда пріѣхалъ съ Ольгою въ Царьградъ по мнѣнію самаго-же пр. Макарія. То обстоятельство что Григорій долженъ былъ знать русскій языкъ и можетъ указывать, что онъ пріѣхалъ съ Ольгою изъ Кіева, что онъ жилъ довольно долго въ Кіевѣ и успѣлъ изучить русскій языкъ, если только онъ былъ Грекъ, но нельзя отвергать и того, что Григорій могъ быть Славянинъ, ибо Багрянородный не говоритъ объ его національности. Разбирая вопросъ о мѣстѣ крещенія Ольги, пр. Макарій объясняетъ молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги тѣмъ, что „Константинъ описываетъ въ своемъ сочиненіи только обряды употреблявшіеся при Византійскомъ дворѣ во время пріема иностранныхъ пословъ, и въ частности повторившійся во время пріема нашей великой княгини, поэтому Константину вовсѣ неумѣстно было говорить въ своемъ Обрядникѣ о такомъ происшествіи, которое ни въ какомъ случаѣ не могло быть отнесено къ придворному обряду; между тѣмъ мысль о крещеніи Ольги въ Царьградѣ подтверждается съ одной стороны нашимъ лѣтописцемъ, который достовѣрено могъ узнать о немъ по живому еще преданію, а съ другой — лѣтописцами Византійскими, а также однимъ Франкскимъ лѣтописцемъ, едва-ли не современникомъ Ольги“ („Ист. христ. до Влад. св.“ стр. 309). Но далѣе пр. Макарій говоритъ:“ необыкновенно торжественно было крещеніе Русской княгини. Самъ патріархъ совершалъ надъ нею великое таинство, и самъ Императоръ воспринималъ ее отъ купѣли, разумѣется, въ присутствіи всего своего блестящаго двора и при стеченіи безчисленнаго множества другихъ жителей столицы“ (ibid. стр. 319).

Неужели, если крещеніе Ольги было такъ торжественно обставлено въ присутствіи всего блестящаго двора, небыли соблюдаемы извѣстныя церемоніи, до которыхъ былъ такъ падокъ византійскій дворъ? Этотъ-то церемоніалъ при крещеніи Ольги и долженъ былъ описать Багрянородный, такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы цѣли его сочиненія. Пр. Евгеній Булгарисъ, видя неосновательность такого объясненія молчанія Константина о крещеніи Ольги, предположилъ, что Константинъ воспринималъ Ольгу не какъ императоръ, а какъ простой христіанинъ (Евгенія Булгариса, архіепископа Славенскаго и Херсонскаго „Историч. розысканіе о времени крещенія Ольги“. Спб. 1792 г. Изслѣдованіе это есть письмо къ профессору словесности въ полтавской гимназіи — Фридриху Шаллю).

Шлецеръ удивляется, что молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Царьградѣ могло заставить Геснера, Бюшинга и Тунманна усомниться въ мѣстѣ этого событія (ibid. 417 пр. 1) „Самый титулъ, говоритъ онъ, какъ и все содержаніе сочиненія Багрянороднаго показываетъ, что въ немъ описывается только обрядъ, бывшій въ употребленіи при императорскомъ дворѣ, въ процессіяхъ, большихъ праздникахъ, при пожалованіи въ чины и проч

А такъ какъ крещеніе Ольги не принадлежало къ придворному и часто бывшему обряду, то поэтому Константинъ и не описалъ его. Только пріемъ ея принадлежалъ къ этой книгѣ, а замѣчанія о ея крещеніи нельзя было внести въ описаніе пріема, потому что вѣроятно крещенія еще тогда не было.“ И Геснеръ и Тунманнъ, выдержки изъ котерыхъ проводитъ Шлецеръ, вполнѣ основательно замѣчаютъ, что страннымъ является то обстоятельство, что описывая мельчайшія подробности пріемовъ Ольги, Константинъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о крещеніи ея. Дѣйствительно, крещеніе Ольги не принадлежало къ часто бывшему обряду, какъ говоритъ Шлецеръ, но изъ этого не слѣдуетъ, что Константинъ не написалъ-бы объ обрядѣ крещенія Ольги съ не-церковной стороны; такой церемоніалъ, какъ никогда до тѣхъ поръ не бывавшій при такой обстановкѣ, именно вслѣдствіе его рѣдкости Багрянородный описалъ-бы какъ руководство на будущее время, если повторится подобный случай. Если Багрянородный описывалъ только обряды могущіе часто повторяться, то къ чему ему было описывать пріемъ Ольги послѣ помѣтки въ началѣ описанія этого пріема: ἐγένετο δοχή κατὰ πάντα ὁμοία τῆς προῤῥηθείσης δοχῆς? Вѣдь подробности пріема Ольги: какъ она кланялась, гдѣ сидѣла и т. п. касающееся поведенія Ольги не принадлежало къ часто бывшему обряду. Страннымъ является объясненіе, будто Багрянородный, задавшись извѣстною цѣлью, не могъ уклониться отъ нея на столько, чтобы написать нѣсколько словъ не соотвѣтствовавшихъ намѣченной имъ цѣли, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ не подаетъ повода къ такому объясненію.

Шлецеръ высказываетъ и такое предположеніе, что Ольга еще не была крещенною когда Константинъ ее принималъ, почему онъ и умолчалъ объ ея крещеніи, но такая догадка ни на чемъ не основана. Если Ольга не была крещена ни когда она была принята 9-го сентября, ни когда ее принималъ императоръ 18-го октября, то послѣ ея крещенія ей должна-бы быть дана прощальная аудіенція предъ ея отъѣздомъ въ Кіевъ, ибо если Багрянородный принялъ её два раза когда она была язычницею, то навѣрное принялъ-бы её христіанку, когда ей слѣдовало отблагодарить императора за воспріемничество, описанія же инаго пріема кромѣ этихъ двухъ у Багрянороднаго нѣтъ, и предположить, что Константинъ не описалъ-бы 3-го пріема описавъ первые два, нѣтъ основанія. Если Ольга крестилась послѣ двухъ пріемовъ при византійскомъ дворѣ, какъ предполагаетъ Шлецеръ, то могло быть, что на одномъ изъ этихъ пріемовъ она заявила императору о своемъ желаніи принять св. крещеніе, къ чему представлялся удобный случай когда она во время пріема 9-го сентября ἐλάλησεν ὅσα ἐβούλετο πρὸς τὸν βασιλέα; и естественнѣе допустить, полагая крещеніе Ольги въ Царьградѣ, что она при первомъ пріемѣ была язычницею и заявила императору о своемъ желаніи принять

христіанство, а послѣ подготовленія къ таинству крещенія и совершенія надъ нею этого таинства явилась 18-го октября отклоняться императору и поблагодарить его за воспріемничество, но такихъ предположеній ни начемъ основать нельзя. [13]).

Мнѣніе о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, говоритъ пр. Макарій, подтверждается свидѣтельствомъ нашего лѣтописца, который могъ достовѣрно узнать объ Ольгѣ по живому еще въ его время преданію. Но преданіе о крещеніи Владиміра св. и Руси должно было быть для лѣтописца еще свѣжѣе, ибо оно было ближе къ его времени, будучи къ тому болѣе крупнымъ событіемъ чѣмъ крещеніе Ольги, однако самъ лѣтописецъ говоритъ, что относительно мѣста крещенія Владиміра въ его время говорили разно.

Относительно времени пребыванія Ольги въ Царьградѣ пр. Макарій полагаетъ, что его слѣдуетъ относить къ 957 г., и что въ этомъ-же году Ольга приняла крещеніе въ Царьградѣ отъ патріарха Поліевкта. Шлецеръ говоритъ, что Ольга была въ Царьградѣ въ 955 г. или въ 956 г., и тогда-же была крещена патріархомъ Ѳеофилактомъ (Несторъ III, 444).

Обращаясь къ вопросу о достовѣрности посланія Ольгою пословъ къ Оттону I, пр. Макарій думаетъ, что послы Ольги могли быть у Оттона по какимъ-либо политическимъ дѣламъ, а совсѣмъ не по дѣламъ вѣры, но что Оттонъ, извѣстный своею ревностью въ распространеніи римской вѣры, узнавъ отъ этихъ пословъ о крещеніи великой княгини въ Константинополѣ, самъ послалъ къ ней миссіонеровъ [14]) (Ист. христ. стр. 315). Но въ это время Ольга не была правительницей, и если къ Оттону были отправлены послы по какимъ-либо политическимъ дѣламъ, то скорѣе всего отъ Святослава, а не отъ Ольги. Шлецеръ считаетъ несомнѣннымъ, что Ольга посылала пословъ къ Оттону I съ просьбой прислать епископа и священниковъ (Несторъ III, 452 sq.). Соловьевъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что изъ самыхъ словъ продолжателя аббата Регинона ясно видно, что послы эти ложно отъ имени Ольги испросили епископа и священниковъ (Ист. Рос. I, 217. 1883 г.). Вполнѣ вѣрнымъ кажется предположеніе Соловьева, что послы эти были изъ такихъ, которые изъ-за подарковъ крестились по нѣскольку разъ, и что въ данномъ случаѣ они назвали себя послами Ольги и просили епископа съ священниками въ надеждѣ получить хорошій пріемъ и дары отъ императора Оттона I.

Такимъ образомъ пр. Макарій относительно мѣста крещенія Ольги слѣдуетъ лѣтописцу, а относительно времени этого событія—извѣстію Багрянороднаго, находя объясненіе умолчанія Багрянороднымъ о крещеніи Ольги въ томъ, что цѣль его сочиненія не позволяла ему упомянуть объ этомъ событіи.

Погодинъ говоритъ, что воспріемникомъ великой княгини Ольги былъ императоръ Константинъ Багрянородный, и пребываніе ея въ Царьградѣ полагаетъ около 955 г. Изъ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Ольги онъ признаетъ достовѣрнымъ только то что Ольга была въ Царьградѣ, сомнѣваясь такимъ образомъ относительно крещенія ея въ этомъ городѣ. („Изслѣдованія" I стр. 5 и 181). Погодинъ допускаетъ возможность принятія ею крещенія до поѣздки въ Константинополь (ibid стр. 9). Но въ другомъ мѣстѣ онъ рѣшаетъ, что Ольга была въ Царьградѣ въ 957 г. съ цѣлью принять тамъ крещеніе, увидѣть городъ и получить дары (Древн. Р. Ист. т. I, 46).

И. Е. Забѣлинъ полагаетъ крещеніе Ольги въ Царьградѣ. Онъ говоритъ, что „Ольга могла креститься и въ Кіевѣ, могла для этого поѣхать въ Корсунь, но побудило ее избрать мѣстномъ крещенія Царьградъ то обстоятельство, что тутъ было средоточіе христіанской жизни, хранилось св. памятники христіанства отъ первыхъ вѣковъ, что тутъ только можно было созерцать величіе христіанскаго обряда и красоту церковную" (Исторія рус. жизни II. 181, 196, 200). Несомнѣнно, что такія побужденія могли вызвать въ Ольгѣ желаніе креститься въ Царьградѣ, эти-же побужденія могли быть у нея и для путешествія въ Царьградъ послѣ принятія крещенія. Мудрость Ольги и годы ея могутъ служить для доказательства того, что не величіе обряда и красота церквей могли её склонить къ христіанству, и что врядъ-ли она желала, чтобы ея крещеніе сопровождалось пышностью.

Затѣмъ И. Е. Забѣлинъ говоритъ, что великая княгиня Ольга была удостоена императоромъ задушевной бесѣды „какъ христіанка, и, быть можетъ, именно по случаю ея крещенія въ Царьградѣ", при чемъ думаетъ, что Кедриново „была достойно почтена императоромъ" и есть эта задушевная бесѣда. „Вообще этотъ пріемъ заключаетъ онъ, не оставляетъ сомнѣнія, что Ольга, если не была уже крещена ранѣе, то именно въ это время крестилась въ Царьградѣ".

Д. И. Иловайскій неизвѣстнымъ считаетъ, крестилась-ли Ольга въ Кіевѣ и пріѣхала въ Царьградъ для поклоненія святынямъ его, для благословенія отъ патріарха и полученія знаковъ вниманія отъ императоровъ Константина и Романа, или крестилась въ Константинополѣ, желая принять крещеніе изъ рукъ патріарха и имѣть воспріемникомъ императора. Онъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что при Ольгѣ находился священникъ Григорій. Годомъ пребыванія Ольги въ Царьградѣ онъ полагаетъ 957 г. („Истор. Рос." I, 40). Разбирая извѣстія о крещеніи Ольги Д. И. Иловайскій указываетъ, что свидѣтельства о крещеніи Ольги въ Царьградѣ принадлежатъ лѣтописцамъ не современнымъ событію, а русская лѣтопись вообще украшаетъ свой разсказъ баснословіемъ (ibid. прим. 14-е). Объясненіе молчанія Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ De cerim. aul. Byz. тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду только опи-

саніе церемоніальнаго пріема, Д. И Иловайскій, какъ и г. Бестужевъ-Рюминъ („Рус. Исторія“ I, 2,102 прим. 18) считаетъ недостаточно сильнымъ. Приводя извѣстіе Продолжателя аббата Регинона о посольствѣ Ольги къ императору Оттону I, Д. И. Иловайскій высказываетъ предположеніе, что это посольство могло имѣть связь съ нѣкоторымъ недовольствомъ, которое Ольга возъимѣла противъ византійскаго правительства („Исторія Рос.“ I, 43). Извѣстіе Продолжателя, повторенное другими западными лѣтописцами, онъ считаетъ темнымъ (ibid прим. 15).

Проф. Голубинскій въ своемъ трудѣ: „Исторія русской церкви“ указываетъ, что выдающійся умъ Ольги побудилъ её обратить вниманіе на христіанство и убѣдиться въ истинѣ его, что это убѣжденіе появилось не вдругъ, и что ставъ внутреннею христіанкою при Игорѣ, она не могла креститься при немъ по причинамъ политическимъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросамъ: когда и гдѣ крестилась Ольга. Согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ что Ольга крестилась въ Царьградѣ въ 957 г., проф. Голубинскій признаетъ невозможнымъ, ибо Багрянородный въ описаніи пріемовъ Ольги ничего не говоритъ о томъ, что она пріѣхала въ Константинополь для крещенія и была тамъ крещена. Объясненіе умолчанія Багрянороднымъ о крещеніи Ольги тѣмъ, будто онъ не имѣлъ нужды говорить о крещеніи ея въ сочиненіи назначенномъ для описанія придворныхъ обрядовъ, проф. Голубинскій считаетъ не удовлетворительнымъ на томъ основаніи, что во 1-хъ крещеніе Ольги принадлежало-бы къ особымъ, весьма рѣдко могущимъ случиться придворнымъ церемоніямъ, почему Константинъ и долженъ былъ описать ихъ съ особою тщательностью, а во 2-хъ, если даже предположить что онъ намѣревался описать церемонію крещенія Ольги въ особомъ сочиненіи, то отсылая за подробностями къ этому особому сочиненію, онъ долженъ былъ упомянуть о немъ при описаніи пріемовъ Ольги. Далѣе, говоритъ проф. Голубинскій, изъ самаго описанія пріемовъ Ольги видно, что Константинъ начинаетъ съ самаго перваго пріема, а такъ какъ на этомъ пріемѣ присутствовалъ священникъ Ольги въ числѣ ея свиты, то изъ этого очевидно, что она прибыла въ Константинополь христіанкою (Исторія р ц. I, 1-я половина стр. 64—73). Вѣроятнѣйшимъ считаетъ проф. Голубинскій крещеніе Ольги въ Кіевѣ на томъ основаніи, что допуская крещеніе Ольги въ Константинополѣ необходимо принять два путешествія ея въ Царьградъ: одно въ 957 г., когда она была уже крещена, другое когда-то прежде для крещенія. Невозможность двухъ путешествій проф. Голубинскій доказываетъ тѣмъ, что во 1-хъ путешествія въ Константинополь были опасны и трудны, а также стоили не дешево, а во 2-хъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ думать, что Ольга крестилась не особенно задолго до 957 г., но предполагать двѣ поѣздки въ Царьградъ въ небольшой промежутокъ времени, было-бы очень

невѣроятно. И дѣйствительно, невѣроятными покажутся такія двѣ поѣздки Ольги въ Царьградъ, если принять во вниманіе ея лѣта, трудность пути изъ Кіева въ Царьградъ, о которомъ самъ Багрянородный говоритъ, что онъ преисполненъ мученій, страха, весьма труденъ и опасенъ (De admin. imperio cap. IX p. 74 ed. Bon.), а также то обстоятельство, что Ольга была недовольна долгимъ ожиданіемъ въ константинопольской гавани („аще ты также постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду“).

Мнѣніе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ, по объясненію проф. Голубинскаго, могло возникнуть потому, что являлось естественнымъ предположеніе будто Ольга затѣмъ и ѣздила въ Царьградъ чтобы въ столицѣ христіанскаго міра принять крещеніе отъ вселенскаго патріарха. Относительно времени крещенія Ольги проф. Голубинскій считаетъ вѣроятнымъ, что она крестилась тогда, когда перестала быть правительницею государства и отошла въ частную жизнь, послѣ чего народъ уже не имѣлъ права спрашивать съ нея за ея поступки.

Можно думать, что Ольга крестилась переставъ быть правительницей не потому именно что боялась отвѣтственности предъ народомъ за свои поступки, а потому, что хотѣла, снявши съ себя бремя государственнаго управленія надъ языческимъ народомъ, вести жизнь христіанскую не отвлекаясь заботами правленія.

Такъ какъ неизвѣстно, говоритъ проф. Голубинскій, какой годъ возраста Святослава можетъ быть принятъ за гражданское совершеннолѣтіе, то полагая, что такой годъ долженъ быть считаемъ не ранѣе какъ 10 лѣтъ, мы получимъ, что Ольга крестилась въ промежутокъ между 952 и 957 гг., ибо Святославъ родился въ 942 г. Точнѣе проф. Голубинскій останавливается на годѣ указанномъ монахомъ Іаковомъ, т. е. на 954; монахъ Іаковъ согласно съ лѣтописью относитъ годъ смерти Ольги къ 969 г., и говоритъ, что она пожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ, принявъ св. крещеніе въ Царьградѣ. (Память и похвала Владиміру Христ. чт. 1849 г. ч. II, 317).

Что касается извѣстій западныхъ лѣтописцевъ о посольствѣ Ольги къ императору Оттону I съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ, то проф. Голубинскій считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что Ольга присылала къ императору не за тѣмъ чтобы просить епископа и пресвитеровъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ, но что Оттонъ, какъ ревностный распространитель христіанства между Славянами, пользуясь случаемъ отправилъ къ Русскимъ не прошеннаго епископа, а лѣтописцы, зная что епископъ былъ отправленъ послѣ посольства, заключили, что онъ былъ посланъ вслѣдствіе посольства.

Такимъ образомъ проф. Голубинскій полагаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что Ольга крестилась въ Кіевѣ въ 954 г., слѣдуя въ годѣ событія монаху Іакову, но не принимая его указанія на мѣсто событія. [15])

Рамбо признаетъ въ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи Ольги достовѣрнымъ путешествіе ея въ Царьградъ, и говоритъ, что Ольга быть можетъ была крещена въ Царьградѣ. Предложеніе руки Константиномъ Ольгѣ и просьбу подарковъ съ его стороны у Ольги Рамбо безусловно отрицаетъ (L'empire Gree au X siècle. Paris 1870. p. 380 et 399).

Молчаніе современниковъ Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Царьградѣ Рамбо объясняетъ тѣмъ, что оно для нихъ казалось не важнымъ, и что Византійцамъ и Нѣмцамъ надоѣли скандинавскіе авантюристы, всегда готовые принимать крещеніе для того чтобы получать подарки. Относительно времени поѣздки Ольги въ Константинополь Рамбо полагаетъ, что она быть можетъ выѣхала изъ Кіева въ 955 г., въ 956 г. прибыла въ Константинополь, а въ 957 г крестилась (ibid p 380 rem. I). Поводомъ къ описанію пріемовъ Ольги Багрянороднымъ было, по мнѣнію Рамбо, то обстоятельство, что Ольга была первою варварскою государынею, которую увидѣлъ Царьградъ. Обстоятельства пріема Ольги доказываютъ, говоритъ Рамбо, что правительство Византіи было высокаго мнѣнія или о могуществѣ Руси, или о ея богатствѣ, или о пользѣ союза съ нею.

Какъ видимъ, Рамбо хочетъ примирить извѣстія русскаго лѣтописца и императора византійскаго Константина. Но если Греки были такого высокаго мнѣнія о Руси какъ предполагаетъ Рамбо, то тогда они не могли смотрѣть на Ольгу какъ на авантюристку, которая изъ за подарковъ хотѣла принять крещеніе, и если одинъ ея пріѣздъ въ Царьградъ заслуживалъ такого вниманія что ея пріемы были описаны Багрянороднымъ, то еще большаго вниманія заслуживало ея крещеніе.

Предполагая, что Ольга была въ сношеніяхъ съ христіанскою общиною въ Кіевѣ, Рамбо говоритъ, что она не крестилась въ Кіевѣ изъ страха предъ язычниками (ibid. p. 384) Что касается предположенія Рамбо, будто Ольга выѣхала изъ Кіева въ 955 г., въ 956 г. прибыла въ Константинополь, а въ 957 г. приняла крещеніе, то съ нимъ трудно согласиться, потому что нѣтъ къ тому основаній.

Архимандритъ Леонидъ, считающій Ольгу на основаніи найденнаго имъ отрывка изъ древняго лѣтописца болгарскою княжною, полагаетъ, что Ольга поѣхала въ Царьградъ не для крещенія, а чтобы утвердить свое великое дѣло принятія христіанства и получить отъ Византіи „Цесарское вѣнчаніе“. („Рус. Стар.“ 1888 Іюль. „О родѣ вел. кн. Ольги“).

Желаніе согласить показаніе русской лѣтописи о мѣстѣ и времени крещенія Ольги съ извѣстіемъ Багрянороднаго о пребываніи ея въ Царьградѣ въ 957 г., привело къ ни на чемъ не основанному предположенію о двухъ путешествіяхъ ея въ Царьградъ. Возникало и другое, также ни на чемъ не

основанное предположеніе, будто крещеніе Ольги было описано въ другомъ сочиненіе Багрянороднаго, до насъ не дошедшемъ.

Если предполагать крещеніе Ольги въ 957 г. то ни чѣмъ нельзя объяснить умолчанія Багрянороднымъ объ этомъ событіи, ибо объясненія Евгенія Булгариса, Шлецера, Карамзина, Пр. Макарія не удовлетворительны, другаго-же объясненія нельзя найти.

Что касается византійскихъ историковъ, говорящихъ о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, то они не современны описываемому ими событію, продолжатель-же аббата Регинона, хотя и современенъ этому событію, но его извѣстіе по всему вѣроятію почерпнуто отъ лжепословъ, которые сами могли не знать мѣста крещенія Ольги, къ тому-же Продолжатель этотъ, какъ замѣчаетъ проф. Голубинскій, уравнивается съ не современниками отдаленностью отъ Россіи.

Вѣроятнѣйшимъ кажется, принимая годъ русскаго лѣтописца, который съ монахомъ Іаковомъ расходится только въ одномъ годѣ, мѣстомъ крещенія считать Кіевъ: великая княгиня Ольга крестилась въ 955 г. въ Кіевѣ, а въ 957 г. ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества. Лѣтописецъ русскій нашелъ запись, что въ 955 г была крещена Ольга, а свѣдѣнія о крещеніи ея въ Царьградѣ почерпнулъ изъ преданія; а почему могло возникнуть преданіе о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, какъ мы видѣли, объясняется легко. Что касается того, что въ записи, найденной лѣтописцемъ, былъ выставленъ только годъ крещенія, а мѣсто не было указано, то это могло произойти потому, что записавшій годъ крещенія Ольги жилъ въ Кіевѣ, и запись его была кратка. Возможно вполнѣ, что начальная запись о крещеніи Ольги, заимствованная лѣтописцемъ, была помѣчена 954 годомъ, а впослѣдствіи годъ былъ измѣненъ на 955-й.

Такимъ образомъ и извѣстіе Багрянороднаго не будетъ вызывать никакихъ недоумѣній, и сообщеніе лѣтописца русскаго о крещеніи великой княгини Ольги въ Царьградѣ найдетъ себѣ объясненіе, не ведущее къ полному отрицанію достовѣрности сообщеннаго имъ объ Ольгѣ.

Примѣчанія.

1) Пріемъ былъ подобенъ пріему одного сарацинскаго посла.

2) Роману въ 946 г. шелъ 7-й годъ; Кедринъ сообщаетъ, что Романъ родился въ 939 г.: ιε′ (15) δὲ Μαρτίου μηνός, τῆς ς′ (6) ἰνδικτιῶνος, ἐν ἔτει .ϛυοα′ (6471), ἐτελεύτησε Ῥωμανὸς ὁ βασιλεὺς, ἐτῶν ὑπάρχων κδ′ (24). (Cedr. „Historiarum compendium“ t. II. p. 344 ed. Bon.).

3) Ἔτει δὲ δωδεκάτῳ τῆς Κωνσταντίνου βασιλείας, τοῦ δὲ κόσμου .ϛυξδ′, μηνὶ Φεβρουαρίῳ κζ′, ἰνδικτιῶνος ιδ′, κατέλυσε τὸν βίον Θεοφύλακτος ὁ πατριάρχης, ἀρχιερατεύσας ἐπ᾽ ἔτη κγ′ ἡμέρας κε′,—на 12-мъ году царствованія императора Константина въ 6464 г. (956) 27-го февраля 14 индикта скончался патріархъ Θеофилактъ, бывъ на патріаршемъ престолѣ 23 года и 25 дней (ibid. Cedr. II. p. 332.).

4) Καὶ ἡ τοῦ ποτὲ κατὰ Ῥωμαίων ἐκπλεύσαντος ἄρχοντος τῶν Ῥῶς γαμετή, Ἕλγα τοὔνομα, τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς ἀποθανόντος παρεγένετο ἐν Κωνσταντινουπόλει. Καὶ βαπτισθεῖσα καὶ προαίρεσιν εἰλικρινοῦς ἐνδειξαμένη πίστεως, ἀξίως τιμηθεῖσα τῆς προαιρέσεως ἐπ᾽ οἴκου ἀνέδραμε. (Cedr. t. II p. 329).

5) Τῆς δὲ τῷ Ῥωμανῷ νυμφευθείσης κόρης τῆς Οὔγωνος παιδὸς ἀποθανούσης, ὥς εἴπομεν, παρθένου, νυμφεύεται αὐτῷ ὁ βασιλεὺς καὶ πατὴρ ἑτέραν γυναῖκα, οὔ τινα τῶν ἐπιφανῶν (не изъ знатныхъ), ἀλλ᾽ ἐκ χυδαίων φυεῖσαν καὶ τὴν τέχνην καπήλων (но низкаго происхожденія отъ родителей—трактирщиковъ), Ἀναστασίαν καλουμένην, Θεοφανὼ δ᾽ ὑπ᾽ ἐκείνου μετονομασθεῖσαν Cedr. t. II. p. 329).

6) Δεκεμβρίῳ γὰς μηνὶ ις′ (15), ἰνδικτιῶνος θ′ (9), ἔτους .ϛφλδ′ (6534) αἰφνιδίῳ νόσῳ ληφθεὶς ἀπεβίω (скоропостижно скончался)..... ζήσας μεν ἔτη ο′ (70). (Cedr. II p. 479 sq.).

7) Извѣстіе Кедрина и Зонары о крещеніи Ольги въ Царыградѣ было-бы ясно, если-бы они пояснили мѣсто ея крещенія добавивъ, напр. ἐκεῖ: καὶ βαπτισθεῖσα ἐκεῖ, i. e. ἐν Κωνσταντινουπόλει.

8) Legati Helenae reginae Rugorum, quae sub Romano imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant (Pertz. Monumenta Germaniae hist. I, 624).

9) Transfretans autem mater sua Olha Constantinopolim, apud Graecos a Patriarcha Constantinopolitano in fide christiána edocta, superstitioneg entilium relicta, baptisma accepit, barbaroque nomine mutato, pro Olha Helena appelatur (Лѣтопись зан. арх. ком. вып. IV прилож. стр. 70).

10) Οὐ διέλιπον δὲ καὶ οἱ Τοῦρκοι εἰςβολὰς εἰς τὴν Ῥωμαίων ποιούμενοι καὶ ταύτην δῃοῦντες, μέχρις οὗ Βουλοσούδης ὁ τούτων ἀρχηγὸς τὴν τῶν Χριστιανῶν πίστιν ἀσπάζεσθαι ὑποκριθεὶς κατειλήφει τὴν Κωνσταντίνου· καὶ βαπτισθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέως ἀναδέχεται Κωνσταντίνου, τῇ τῶν πατρικίων ἀξίᾳ τιμηθεὶς καὶ πλείστων χρημάτων ὑπάρξας κύριος, εἶτ' αὖθις οἴκαδε ὑποστρέψας. Μετ' οὐ πολὺ δὲ καὶ Γυλᾶς, ἄρχων ὢν καὶ αὐτὸς τῶν Τούρκων, εἴσεισιν εἰς τὴν βασιλίδα καὶ βαπτίζεται, τῶν ἴσων ἀξιωθεὶς καὶ αὐτὸς εὐεργεσιῶν καὶ τιμῶν. Ἀνελάβετο δὲ μεθ' ἑαυτοῦ καὶ τινα μοναχὸν Ἱερόθεον τοὔνομα, δόξαν εὐλαβείας ἔχοντα, ἐπίσκοπον Τουρκίας παρὰ τοῦ Θεοφυλάκτου χειροτονηθέντα, ὃς ἐκεῖσε γενόμενος πολλοὺς ἀπὸ τῆς βαρβαρικῆς πλάνης εἰς τὸν χριστιανισμὸν ἐπανήγαγεν. Ἀλλ' ὁ μὲν Γυλᾶς ἐνέμεινε τῇ πίστει, μήτ' αὐτὸς ἔφοδόν ποτε κατὰ Ῥωμαίων πεποιηκώς, μήτε τοὺς ἁλισκομένους Χριστιανοὺς ἀτημελήτους ἐῶν, ἀλλ' ἐξωνούμενος καὶ ἐπιμελείας ἀξιῶν καὶ ἐλευθερῶν. Βουλοσούδης δὲ τὰς πρὸς θεὸν συνθήκας ἠθετηκὼς πολλάκις σὺν πντὶ τῷ ἔθνει κατὰ Ῥωμαίων ἐξήλασε.—Турки до тѣхъ поръ не прекращали своихъ набѣговъ на византійскую имперію, пока князь ихъ Вулосудъ, притворившись что онъ расположенъ къ христіанству, не прибылъ въ Константинополь. Крестившись здѣсь, онъ былъ принятъ императоромъ Константиномъ, почтенъ былъ достоинствомъ патриція, и щедро одаренный возвратился домой. Немного спустя прибылъ въ Константинополь Гиласъ, тоже князь турокъ, гдѣ и крестился, такъ-же почтенный и одаренный какъ и Вулосудъ. Онъ взялъ съ собою монаха Іерофея, знаменитаго благочестіемъ, который былъ поставленъ въ епископы Турокъ Θеофилактомъ; по прибытіи къ туркамъ, Іерофей многихъ отъ варварскаго заблужденія обратилъ въ христіанство. Гиласъ пребывалъ въ христіанствѣ не нападая болѣе на византійскую имперію, и заботился о выкупѣ плѣнныхъ христіанъ. Вулосудъ-же, отвергнувъ свой союзъ съ Богомъ, часто нападалъ на предѣлы византійской имперіи со всѣмъ своимъ племенемъ (Cedr. II p. 328).

11) Проф. Голубинскій, допуская внутреннее христіанство Игоря, указываетъ, что свободы въ перемѣнѣ религіи для князя небыло въ такой степени какъ для его подданныхъ по причинамъ политическимъ (Ист. Р. Ц. I, 1, 61). Причинами политическими объясняется позднее принятіе христіанства Ольгою (ibid. Стр. 65). П. А. Лавровскій, въ своемъ изслѣдованіи объ Якимовской лѣтописи, признавая вполнѣ правдоподобнымъ извѣстіе этой лѣтописи что Ольга была наставлена въ вѣрѣ христіанской еще въ Кіевѣ отъ бывшихъ тамъ священниковъ, признаетъ вѣроятнымъ и то извѣстіе этой-же лѣтописи, что Ольга не крестилась въ Кіевѣ изъ боязни народа, ибо народъ, говоритъ Лавровскій, допуская крещеніе среди себя, могъ опа-

саться крещенія правителей, дабы религія не перемѣнилась („Зап. II отд. Ак. Н.“ II).

12) Сказаніе лѣтописи о намѣреніи императора вступить въ бракъ съ Ольгою Шлецеръ называетъ сказкою, выдуманною какимъ-нибудь глупцомъ быть можетъ только въ XIV в. „Татищевъ, говоритъ Шлецеръ, не вѣрить этой сказкѣ, указывая что Ольгѣ было тогда за 60 лѣтъ. Ломоносовъ вѣрить въ половину, считая плѣненіе любовью къ Ольгѣ со стороны императора невѣроятнымъ обстоятельствомъ, а сватовство — шуткою надъ великою княгинею. Щербатовъ вѣритъ отъ всей души“ („Несторъ“ III, 371). Татищевъ относительно времени и мѣста крещенія Ольги слѣдовалъ лѣтописному сказанію (Исторія Рос. II стр. 41), допуская неточность въ годѣ (ibid. прим. 131). Кн. Щербатовъ полагалъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ въ 955 г., Болтинъ-же призналъ достовѣрнымъ, что Ольга крестилась при Константинѣ Багрянородномъ, не считая годъ лѣтописи вполнѣ достовѣрнымъ (Крит. прим. I, 235).

13) Какъ выставлена въ заглавіи описанія пріема пословъ Эмира Тарсійскаго причина ихъ пріѣзда въ Константинополь (De cer. p. 588), такъ могло-бы быть указано Багрянороднымъ въ заглавіи описанія пріемовъ Ольги, если она пріѣзжала въ Царьградъ для крещенія, съ какою цѣлью она явилась, напр. ἐλθούσης ἁγίου βαπτισμοῦ ἕνεκα. Но принадлежатъ-ли эти заглавія Багрянородному? Въ заглавіи о пріемахъ Ольги она названа Ἕλγα ἡ Ῥωσένη, но вездѣ въ описаніи ея пріемовъ называется Ἕλγα ἡ ἀρχοντίσση Ῥωσίας, такъ что можно предположить, что заглавіе принадлежитъ не Багрянородному. На это обратилъ вниманіе еще Шлецеръ („Несторъ“ III, 443).

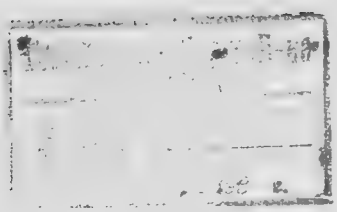
14) Пр. Макарій такимъ образомъ подтверждаетъ предположеніе, что извѣстіе о крещеніи Ольги въ Царьградѣ было заимствовано продолжателемъ аббата Регинона отъ этихъ русскихъ пословъ, которые сами, вѣроятно, были введены въ заблужденіе относительно мѣста крещенія Ольги ея поѣздкою въ Царьградъ.

15) Противъ мнѣнія проф. Голубинскаго о родѣ вел. княгини Ольги, мѣстѣ и времени ея крещенія выступилъ П. Л. („О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ.“ Кіевск. Стар. іюнь 1888 г.). Ссылаясь на извѣстія Продолжателя аббата Регинона, Кедрина, Зонары, монаха Іакова, начальной лѣтописи и „Лѣтописца русскихъ царей“, П. Л. утверждаетъ что Ольга крестилась въ Царьградѣ, умолчаніе-же Багрянороднаго о крещеніи Ольги находитъ естественнымъ, ибо трактатъ De cerimoniis a. B. не касался церковныхъ обрядовъ, повторяя такимъ образомъ объясненіе пр. Евгенія Булгариса, Шлецера и др. По мнѣнію П. Л. вел. княгиня Ольга крестилась послѣ перваго пріема при кон-

стантинопольскомъ дворѣ. Въ объясненіи цѣли путешествія Ольги въ Царьградъ П. Л. отдаетъ преимущество Карамзину.

Что касается мнѣнія о тождествѣ бывшаго при пріемахъ Ольги священника Григорія съ сотрудникомъ просвѣтительной дѣятельности болгарскаго князя Симеона Григоріемъ, переведшимъ хронику Іоанна Малалы „повелѣніемъ книголюбца князя Симіона, истинѣе же рещи боголюбца“, то согласиться съ этимъ препятствуетъ прежде всего вопросъ: былъ-ли живъ въ 957 г. Григорій „пресвитеръ и мнихъ всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церквей“?

В. Савва.



496
18